Глава 2

Это был серый и мрачный день, и Ник проснулся уставшим и беспокойным. Полежав в кровати в безуспешных попытках снова уснуть, он решил, что проголодался, и встал.

Ночи не давали ему достаточно отдыха, и он подозревал, что его изматывают нарочно, чтобы он, будучи уставшим, стал уязвимым к влиянию тёмных сил. Полем битвы был его собственный разум, который, как он считал, находился под его контролем, но это может измениться, если он будет измучен ночными приключениями. Ему нужно осторожнее сохранять энергию. Или он мог просто вздремнуть после обеда.

Ник вошёл в маленькую кухню в тапочках, которые его мать купила ему в подарок. Завершение первого года в качестве старшеклассника Ренсома было не таким большим достижением, как она считала, и гораздо большим, чем он хотел признаться ей.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал Фанни.

— Спасибо.

Он взял один из шести кусочков тоста на тарелке Фанни. Фанни не собирался ими делиться, и сейчас он болезненно посмотрел на Ника, словно был опечален его предательством.

— Я серьёзно. Ты очень бледный, а глаза налиты кровью. Ты мало спишь?

— Вероятно, он слишком допоздна читает, — сказал Даво, который только что вышел из душевой комнаты в задней части кухни. Он был в тёмно-синем халате, на лацкане которого были вышиты его инициалы. Его волосы были мокрыми и взъерошенными, и он почти выглядел на свой возраст. — Читать, и читать, и читать — жизнь Ника Тутта. Он читает до конца, а затем возвращается на первую страницу и читает что-то ещё.

— Я не ложусь позже обычного, — сказал Ник, почувствовав себя лучше, когда в животе не было пусто. — Просто немного беспокойно.

— У Даво такая же проблема, — сказал Фанни. — Ему снится повторяющийся кошмар, в котором у дорогого предмета стоит неправильный ценник, и ему приходится продать его намного дешевле его стоимости. Он просыпается с криком.

— Прекрати болтать, ты идиот, — сказал Даво, взяв кусочек тоста. — И кто не видит ночные кошмары, вообразив что-то тревожное?

Брилл, уже одетый, вошёл, чтобы посмотреть, что происходит, и взял себе кусок тоста, к ещё большему унынию Фанни.

Они вчетвером жили на нижнем этаже коттеджа, а тоже-рены первого года поселились этажом выше. Им предоставили выбор присоединиться к другим ученикам в общежитиях, но они решили остаться на прежнем месте. Новые мальчики, нервничавшие в новом окружении, решили, что будет лучше остаться со старшими тоже-ренами.

Брилл переехал в комнату Симоль после её, номинально говоря, смерти. Она решила не заезжать обратно в коттедж после возвращения в мир живых и поселилась в женском общежитии со своим новым лучшим другом. Ник не часто видел её вне занятий и одного полуночного посещения в его окне.

— Он очень хорош, — сказал Брилл, изящно откусывая от тоста и каким-то образом не создавая при этом крошек. — Правда, я не совсем понимаю, почему ты чувствуешь необходимость есть перед завтраком.

— Просто привычка, которую я приобрёл, — сказал Фанни. Он схватил ещё один кусок тоста, а затем подтянул к себе тарелку, чтобы более внимательно следить за последним куском. — Никогда не знаешь, когда произойдёт катастрофа, которая не даст нам вовремя добраться до столовой.

— Да, — сказал Даво, — поистине трагедия, которую следует бояться. Ладно, я буду готов через минуту. Не уходите без меня. — Он стряхнул крошки с халата и пошёл в свою комнату.

Первогодки с грохотом спустились по лестнице и пробежали мимо Даво.

— Мы уходим, — прокричал один.

— Увидимся там, — сказал другой.

Они исчезли в мгновение ока.

— Они понятия не имеют, — сказал Даво, покачав головой. — Вообще никакого.

— Хорошо, — сказал Фанни. — Может быть, они замечательно проведут время в Ренсоме и получат отличные воспоминания. Мы сделали мир немного лучше для других, и в этом весь смысл, не так ли?

— Да, конечно, — сказал Брилл, потянувшись за последним тостом. Фанни дёрнул тарелку в другую сторону. Ник поймал её, когда она соскользнула с края, и пошёл в свою комнату переодеваться.

Их четвёрка прошла через кампус в столовую, как они делали каждое утро, прежде чем разойтись на свои занятия. Количество классов на втором году сократилось, так как ученики выбирали себе три специализированных предмета, которым будут обучаться.

У большинства учеников Ренсома уже было намечено их будущее. Их семьи обладали традициями в сотни лет длиной. Их родители, дедушки и бабушки, предки, все они с гордостью исполняли одни и те же роли. Вот что было главным в семье в Ранваре — постоянная стабильность. В правительстве, в армии, в какой-то другой роли, которая служила улучшению Ранвара.

Ренсом был местом, где они могли подготовиться к этой роли. Широкое образование, чтобы подготовиться к вступлению во взрослое общество, а также обучение конкретным навыкам для ожидающей их работы. Во всём этом была гарантия, которую даже кто-то вроде Ника считал удобной.

В воздухе стоял утренний холод. Столовая была бы всего в нескольких шагах, если бы они переехали в общежитие второгодок, но в сегодняшней прогулке от коттеджа был свой плюс: она улучшила состояние Ника, помогая очистить голову.

Его первым уроком была военная стратегия, которую, как правило, выбирали те, кто планировал после Ренсома пойти в Военную академию Ранвара для обучения на офицерскую должность. Здесь они получат большую часть той же самой информации, но добавленный престиж за академическую подготовку в тактическом мышлении поможет им выделиться. Семейные связи позволят им попасть в вооружённые силы, но в них нет места фаворитизму, по крайней мере, до тех пор, пока не будет соблюдён определенный стандарт.

Ник не собирался вступать в ряды армии, хотя его отец был солдатом. Однако он не был офицером. Ник просто получал удовольствие от предмета, и ему нужно было выбрать три класса, как и всем второгодкам. Он всё ещё предполагал получить правительственную работу, он знал, что это сделает его мать счастливой, хотя предложение о работе в министерстве поручений его больше не ждало. Его другими факультативами были расширенный экономический анализ и курс Искусств.

Военная стратегия и экономический анализ охватывали большинство министерств, которые могли бы нанять его в качестве клерка, а курс Искусств проложит ему путь в Королевский колледж.

Туда он тоже не собирался идти. Он никогда не видел себя магом, и сейчас тем более, когда он знал, что требуется для получения магических сил.

Они пришли в столовую вместе с большинством других учеников и направились к своему обычному столу, где уже сидели первогодки, которые почти расправились с завтраком.

— Какой у тебя первый урок? — спросил Ник Фанни.

— Гербология, — ответил Фанни, осторожно ставя свой тяжело нагруженный поднос. Он взял всё из меню завтрака, а также дополнительный тост, чтобы компенсировать потери раннего утра.

— К тому моменту, как ты поступишь в Королевский колледж, ты станешь прекрасным садовником, — сказал Даво.

Причины, по которым Фанни взял гербологию, не имели ничего общего с растениями. Это был единственный факультет в Ренсоме, который использовал арканум, пусть и в ограниченной форме. Травяные детекторы были очень просто сконструированными устройствами, но преподавательский состав гербологии был обучен использовать и ремонтировать их. Что делало этих учителей полезными советниками, поскольку Фанни открыл в себе интерес к основанным на аркануме технологиям.

— На самом деле довольно увлекательно, как воздействие арканума за века изменило флору Ранвара, — сказал Фанни, жуя. — Это дало мне много идей о том, как искусственно воспроизвести некоторые функции. Усилить сигнал органически.

— Звучит увлекательно, — сказал Даво с глубоким саркастическим оттенком. — Жаль, что у тебя нет доступа к настоящему аркануму.

— Всегда есть Симоль, — сказал Фанни.

— И когда в последний раз она хотя бы признала твоё существование? — сказал Даво. — Или кого-нибудь из нас?

Фанни не ответил и закончил свой завтрак. После этого они разделились, отправившись на свои занятия.

Ник пришёл первым в пустую классную комнату. Классы второгодок, как правило, были меньше, где-то между четырьмя и десятью учениками. Без необходимости посещать занятия, которые вас не интересовали, уроки стали напряжёнными, где каждый уделял процессу всё внимание, и никто не стеснялся, когда дело доходило до того, чтобы указать на чужую ошибку. Это было очень весело.

Ник сел спереди, в среднем ряду. Ему больше не приходилось беспокоиться о том, чтобы сидеть сзади и прилагать усилия, чтобы оставаться незаметным. Если кто-то не хотел сидеть рядом с ним, это была их проблема.

Конечно, ни у кого больше не было причин так с ним обращаться. Он был частью школы, и не в последнюю очередь из-за особого отношения, которое он получал. Фактически, только это помогло ему стать более типичным учеником Ренсома.

Зачисление на курс Искусств только подчеркнуло это. Он был частью школьной элиты, и это не оспаривалось. И никто, конечно, не хотел оскорбить человека, который мог стать магом.

Если ученическое сообщество и было в чём-то хорошо, так это в понимании того, что не все ученики были равны. Некоторые из них выделялись как люди с более высокой ценностью, и все действовали соответственно.

Действовать соответственно — это было очень в духе Ренсома. И очень в духе всего Ранвара.

Ник обнаружил, что его голова постоянно падает, пока он сидел, поставив локти на стол и положив подбородок на ладони. Тёплые неясные ощущения убаюкивали его до такой степени, что голова соскальзывала с руки; к счастью, серьёзных повреждений он не получил.

Несколько минут спустя прибыли его одноклассники, все пятнадцать человек. Военная стратегия была одним из наиболее популярных курсов. Военная служба была конечной целью не менее трети учеников, согласно статистике, которую раскопал Ник (и которую он спокойно закопал обратно на библиотечных полках).

Они сели вокруг и позади него, болтая и устраиваясь на следующие два часа. Уроки были более интенсивными и более длительными. Когда он посмотрел в сторону, он обнаружил сидящую по соседству Диззи, которая вернула ему холодный вопросительный взгляд. Он повернул лицо вперёд, где суетился мистер Варити.

Присутствие Диззи не было удивительным: она выбрала те же предметы, что и Ник, и, скорее всего, по тем же самым причинам. Не удивляло даже то, что она сидела рядом с ним. Она всегда сидела спереди, поэтому она должна была сесть либо слева, либо справа от него. Уж не думает ли она, что он целенаправленно так сел? А было ли так на самом деле?

Несмотря на то, что он принял отсутствие энтузиазма с её стороны касательно каких-либо отношений с ним, Нику было трудно отказаться от всякой надежды. Будущее могло развиваться огромным количеством вариантов, и, хотя он не мог сформировать его по собственному желанию, он мог держать себя в курсе любых корректировок курса.

Это был глупый и ребяческий способ утешить себя, но он был ребёнком и, скорее всего, не дураком. Анализ самого себя всегда был источником развлечения. Было трудно понять, как его жизнь оказалась здесь или куда она пойдёт дальше. Он должен быть благодарен, пытался убедить он себя, что, по крайней мере, это удерживает его интерес.

— Прекрати так улыбаться, — сказала Диззи себе под нос. — Ты выглядишь как идиот.

Ник мгновенно вернул свои губы в прямую линию неопределённых эмоций и не сводил глаз с мистера Варити, как будто не слышал предупреждения Диззи.

Мистер Варити был занят рисованием на доске, отмечая позиции войск из какой-то битвы, собираясь показать многослойное мышление.

— Ты выглядишь ужасно, — продолжала бормотать Диззи. — Ты сражаешься, чтобы удержать контроль, так ведь?

Ник не ответил. Ему нечего было сказать. Ей нужны почасовые доклады? Возможно, выбор предметов всё-таки был связан с ним. Возможно, она хотела следить за ним.

Он согласился с тем, что его первоначальная цель — стать ближе к Диззи — уже не осуществима. Но результатом этого стало то, что он растерял свой пыл в учёбе. Его разум часто блуждал во время занятий, на полёты фантазии без последствий. Дрейфующие и бесцельные.

Ему не хватало цели. Ему нужна была цель. Он нашёл её в своих ночных дуэлях с Виннум Роке. И сдаваться здесь он не собирался.

В глубине его сознания, однако, было постоянное сомнение в том, что это была целиком его идея. Раньше им уже манипулировали, а Виннум Роке была не менее искусной, чем демоны.

— Жизнь — это борьба, — пробормотал Ник в ответ, а затем вздрогнул, когда Диззи ударила его ногой в голень. Он нахмурился, чтобы не дать рту открыться и выпустить вопль, который подскочил к горлу. Он не сердился на неё, больше на себя. Он должен был знать, что это произойдёт.

Мистер Варити продолжал добавлять детали к своей всё более сложной схеме на доске. Она была похожа на какую-то разновидность формации «клещи».

Ник слегка наклонился в сторону Диззи и прошептал:

— У тебя были странные сны в последнее время?

Он поднял ногу, когда Диззи попыталась ударить по ней. Он откинулся назад, чтобы избежать локтя, нацеленного на его рёбра, а затем наклонил свой стул от неё, когда она подняла ручку, чтобы поразить какое угодно количество целей на его теле. Он также зацепил ногой ножку её стула, так что, когда он отклонился, он отправил её в падение в противоположном направлении.

Диззи встала, когда стул начал падать, как-то сумела переступить и встать на падающий стул, и в итоге она стояла на стуле, который теперь лежал на боку.

Мистер Варити повернулся на шум и увидел Дельзину Делкруа, привлекающую внимание тем, что она возвышалась над своим столом. Он в любопытстве приподнял бровь.

— Мисс Делкруа?

— Мой стул стал неустойчивым, — сказала Диззи, как будто ничего необычного в этой ситуации не было.

— Понятно, — сказал мистер Варити, хотя по борозде его брови можно было предположить обратное. — Возможно, вы захотите поменять его на более устойчивый?

Диззи шумно спрыгнула, вернула стул в нормальное положение и села на него.

— Всё в порядке. Я починила его. — Она села, умышленно не глядя в сторону Ника.

Ник не был очень спортивным. И, конечно, он даже близко не был к уровню Диззи. Но у него были годы практики, во время которых он пытался избежать попыток нападения Диззи. Ему просто нужно было немного времени разогреться.

Следующим уроком был расширенный экономический анализ, и Диззи решила не сидеть рядом с Ником. Даво также посещал эти занятия, и он был счастлив заменить её, хотя он и понятия не имел, что он это делает.

— Этот предмет такой простой, — сказал Даво. — Я ожидаю, что брошу тебе вызов за первое место.

— Удачи, — сказал Ник.

Даво жёстко посмотрел на него.

— Не нужно быть таким злобным.

Ник извиняющееся улыбнулся. Разумеется, он не хотел, чтобы это так прозвучало, но иногда он забывал, что у него сейчас был статус, а слова, падая с высоты, набирали импульс.

— Похоже, несправедливо позволять сыну купца ходить в этот класс, — сказала девушка, сидящая по другую сторону Даво. — Что такое коммерсант, кроме как паразит, который ничего не производит, ничего не выращивает и тратит своё время на подсчёт чужих, с трудом заработанных денег? Тебе не стыдно?

— Не больше, чем нашим клиентам, — сказал Даво без злобы в голосе. — Насколько я помню, мы несколько раз занимались делами с вашей семьёй, к обоюдной выгоде, мисс Миггетс.

— Миггетс-Ганновер, — едко сказала девушка.

«Универсальные магазины Миггетса» были прямыми конкурентами «Конолинга и сына». Это была более старая и более известная фирма, и эта семья также вступила в брак с дворянским родом, из-за чего одна половина семьи считала себя лучше другой. Однако это не вредило их бизнесу. Их высокая репутация привлекала более богатую клиентуру.

Это была одна из причин, по которой Даво решил приехать в Ренсом, — повысить репутацию своей фирмы среди состоятельных людей. На первом году всё вышло не так, как он надеялся, но он даже превзошёл это определение. Заводил не друзей, как таковых, а больше знакомых и, в некоторых случаях, клиентов, что было ещё лучше. Это привлекло к нему внимание мисс Миггетс-Ганновер, высокой, стройной красотки, чьё лицо полностью отражало аристократическую половину её родословной всякий раз, когда её губы кривились от отвращения при виде Даво.

Даво, однако, был очень опытен в том, когда дело касалось надменных молодых дам. Возможно, он даже наслаждался этим.

Ник считал их вражду ещё одним примером надлежащей шутливой беседы между детьми их возраста. Кто знает, это может даже привести к романтической искре между ними и возможному слиянию двух их великих компаний. Хотя, судя по чистому презрению на лице мисс Миггетс-Ганновер, возможно, нет.

После обеда у Ника был курс Искусств. Ещё один шанс для Пери Перивинкла поразить и сбить с толку класс. Шестеро учеников внимательно наблюдали за ним, откинувшимся на спинку стула, который оказался всего в паре сантиметров от того, чтобы опрокинуться. Все они ожидали, что он скажет что-то абсурдное.

— Как нам понять природу магии, когда объяснение — это смерть поэзии? — сказал мистер Перивинкл, не разочаровав учеников. — Ремесленник маскирует линии стыка, хирург пытается сделать как можно меньший разрез, часовщик скрывает сложный механизм за функциональным фасадом. Никто не хочет, чтобы вы извне могли увидеть используемые методы. Тогда как нам деконструировать то, что перед нами, чтобы воссоздать его по образу и подобию?

Его вопрос был встречен тишиной.

— Я поведаю вам, — сказал мистер Перивинкл. — Я поведаю вам, поставив перед вами простую задачу. Я хочу, чтобы вы придумали способ, проверяющий существование единорогов. — К тишине прибавилось множество пустых лиц. — Вы все знаете, что такое единороги, вы же читали о них в книгах и т.д., да? Вы также знаете, что они мифические существа и, скорее всего, плод воображения какого-то писателя. Итак, как бы вы проверили?

Кэрол Рево поднял руку.

— Да, мистер Рево.

— Нельзя доказать отсутствие существования, сэр.

— Вы сказали это с высокомерием, мистер Рево? — Тёмные глаза Перивинкла сверкнули с подозрением.

— Нет, сэр, — сказал Кэрол Рево дрогнувшим голосом. — Я пытался быть полезным.

— Пожалуйста, избегайте подобных действий. Если я прошу вас сформулировать теорему, я ожидаю, что вы приложите усилия, не ставя под сомнение вопрос. Это плохой способ расходовать свои силы.

— Я понимаю, сэр, и буду развивать те качества, которые вы упомянули.

Глаза Перивинкла снова сверкнули, но его холодный взгляд прошёлся по другим ученикам.

— Почему бы вам всем не подумать над этим? Не стесняйтесь совещаться.

Он откинулся на спинку стула, положил ноги на стол, открыл свою синюю книгу и положил её на лицо.

— Есть идеи? — спросил Брилл.

— Ответ очевиден, — сказала Симоль. Остальные повернулись к ней, ожидая дальнейших подробностей. — Я не собираюсь говорить вам. Как вы чему-нибудь научитесь, если будете всегда полагаться на других?

— Мне кое-что интересно, мисс ван Дастан, — сказал Брилл. — Какие занятия, кроме этих, вы ещё посещаете? Никто, с кем я разговаривал, не упоминал, что видел вас на своих уроках.

— Почему бы тебе не перестать задавать вопросы о вещах, которые тебя не касаются, Бриллард? — сказала Диззи.

— Нам сказали совещаться, я это и делаю, — сказал Брилл пониженным голосом. — Я не хочу, чтобы он вписал какие-то минусы напротив моего имени в этой книге. Это напомнило кое-что, что меня заинтересовало касательно вас, мисс Делкруа. Я заметил, что вы и Ник выбрали одни и те же предметы в этом году. Я не могу поверить, что это совпадение.

— На что ты намекаешь? — сказала Диззи, не впечатлённая любопытством Брилла.

— Ни на что. Это просто вопрос, вот и всё. Мне не нравится думать, что я что-то упустил, когда сделал свой выбор.

— Это очень просто, мистер Эпстим, — сказала Диззи. — Ранвар управляет своими национальными интересами двумя руками: войной и деньгами. Армией и банками. И не в равной степени. Люди, контролирующие деньги, контролируют людей, которые контролируют армию. Улавливаешь или мне говорить помедленнее?

— Это была отличная скорость, — ответил Брилл таким образом, что Ник сразу признал в нём человека, много лет имеющего дело с Диззи. — Значит, это не имеет никакого отношения к тому, чтобы быть как можно ближе к Нику.

Ник невольно вздрогнул от слов Брилла, ожидая неизбежного удара, но никаких резких движений не было.

— Нет, — сказала Диззи.

— Она права, это очевидно, — сказал Кэрол, почти выпрыгнув со стула. — Нужно просто спросить мага. Он произнесёт заклинание, поговорит с оракулом, посмотрит в свой хрустальный шар или что-то ещё, это твой ответ.

— Нет, — сказала Симоль.

— Нет? — повторил Кэрол. — Почему нет?

— Это только скажет тебе, что не существует единорогов, которых ты смог обнаружить. Может быть единорог, который скрыт другим магом. Или демоном. Магия может использоваться против тебя также, как и в твою пользу.

— Тогда это невозможно, — сказал Брилл. — Он прав, нельзя доказать отсутствие существования.

— Можно, — сказал Ник. — Можно доказать обратное. Всё, что нужно сделать, — это создать своего единорога. Драконов когда-то не существовало, а затем кто-то использовал магию для их создания. Если тебе нужно знать, так или иначе, тебе не нужно искать ответ, ты можешь сделать свой собственный.

— А что, — сказал мистер Перивинкл, книга уже не лежала на его лице, — если бы вашей цели больше отвечало отсутствие существования единорогов? Если бы вы хотели узнать, не замыслили ли враги Ранвара что-то против государства, вы бы выдумали их? Это кажется контрпродуктивным.

— Это один из способов, — сказала Диззи. — Фальшивое знамя, чтобы смыть настоящих инакомыслящих. Но есть много способов распознать что-то простое. Существует большая разница между доказательством существования и обнаружением того, кто скрывается, особенно если он пытается достичь своих целей из своего укрытия. Действие выдаёт наличие,

а бездействие не стоит того, чтобы беспокоиться о нём. Ваше сравнение слегка примитивно.

Мистер Перивинкл поднял ручку и сделал заметку в своей книге.

— Да, но оставим качество моих сравнений, мисс Делкруа, как нам убедиться? Почему мы должны согласиться на меньшее, чем подтверждённый результат?

Повисла тишина, во время которой ученики рассматривали варианты, которых оказалось очень мало. Был ли это трюк, призванный поразить их тем, как мало они знали? Может быть, это мысленный эксперимент о скромности? Ник счёл это маловероятным. Ответ был, тон и отношение мистера Перивинкла твёрдо говорили об этом.

Ник повернулся к Симоль, голова которой повисла набок от скуки. Её настроение трудно было прочитать. Удовлетворённое равнодушие, легкомысленное презрение, она стала намного сложнее в своей отрешённости с момента возвращения от своего отца. Нику хотелось о многом поговорить с ней, но проблема заключалась в том, что она задавала вопросы в ответ, а он не был готов ответить на них.

Если она знала решение загадки Перинвинкла, — а никаких оснований сомневаться в её утверждении не было, — проблема заключалась не в том, чтобы попросить её поделиться своим прозрением, а в том, что привычка полагаться на неё, в конечном итоге, станет костылём, на что она сама намекнула. Она была альфа-хищником на поле. Было ли вообще важно, что делали остальные? В «остальных» он включал и магов Королевского колледжа.

Она приехала в Ренсом, чтобы испытать то, что пережила бы обычная девушка среди сверстников, но она никогда не будет нормальной, и никто даже близко не был к тому, чтобы быть ей ровней. Так что она хотела сейчас?

Более того, а чего хотел он сам?

Её взгляд медленно скользнул в сторону и встретился с его изучающим взглядом, и они оба продолжали смотреть друг на друга, не отступая. Она даже выглядела как хищник, лениво озираясь и ожидая, пока её ничего не подозревающая добыча пройдёт мимо. Не нужно охотиться на них, если…

— О, — сказал Ник. — Не нужно создавать единорога, создать нужно охотника на единорогов. Что-то, что охотится на единорогов, отслеживает их и убивает.

— А что убивает единорогов, мистер Тутт? — спросил мистер Перивинкл.

— Драконы, — сказала Симоль.

Большой лоб мистера Перивинкла покрылся складками.

— Я не верю, что это правда.

— Докажите, — сказала Симоль.

Ник понял, что совершил ошибку. Он был неправ, что отдалился от Симоль из-за страха, что его единственная роль, представляющая какую-то ценность или интерес, может быть отобрана. Она помогла бы ему, если бы он попросил. И она не позволила бы ему зависеть от неё.

Он почувствовал, как гора спала с его плеч. Он повернулся, и Диззи пронзала его взглядом. Она была через два места от него, но она была в ярости. Будь она ближе, он бы тут же пригнулся.

http://tl.rulate.ru/book/4550/387530